

Независимая газ-1996. - 18 дек. - с. 7

КАК РАССМЕШИТЬ СУДЬБУ

К 75-летию Юрия Никулина

Михаил Швыдкой

Поздравление

— Невыносимо жить в стране, где нет чувства юмора, но еще невыносимее — в стране, где без юмора не проживешь.

— Когда у нас в доме было хоть шаром покати, мать вместо масла намазывала хлеб юмором.

Бертольт Брехт. «Диалоги беженцев».

КОГДА зимой 1961 года в кинотеатре «Экран жизни», что стоял в ту пору на Садовом кольце между Новолободской и Краснопролетарской улицами, показывали три короткометражки под общим названием «Совершенно серьезно», это нанесло весьма значительный урон успеваемости всех окрестных школ. Я не был чемпионом по числу побегов из класса, но до сих пор не могу забыть того щемяще-радостного чувства свободы, которое осеняло душный зрительный зал, грохочущий от смеха. В смехе освобождающийся от жестокой необходимости регламентированного бытия. После первого просмотра бежали смотреть лишь одну из них, последнюю ленту Леонида Гайдая «Пес Барбос и необыкновенный кросс», в которой на экране объявилась знаменитая комическая тройца — Евгений Моргунов, Георгий Вицин и Юрий Никулин. Леонид Гайдай доказал бессмертие «Великого немого», которое было обеспечено классическими трюками цирковой эксцентрики и виртуозными «гэгами» кинематографа. Понятно, тройца терпела жесточайшее поражение в советской действительности. Они несли заслуженное наказание. Странное чувство сострадания вызывал лишь один из них — Балбес Юрия Никулина.

(Все время, пока обдумывал эти короткие заметки про Юрия Никулина, подмывало позаимствовать цитату из знаменитой статьи Виссариона Белинского о Гамлете, перефразировав ее: «Никулинский Балбес!.. Понимаете ли вы значение этого слова? — оно велико и глубоко: это жизнь человеческая, это человек, это вы, это я, это каждый из нас, более или менее, в высоком или смешном, но всегда в жалком и грустном смысле...» Так и подмывало вставить эту цитату в основной «корпус» статьи, но и здесь, в скобках, — у меня нет никулинской отваги, — она, как всякое искушение, пусть до конца и не проявленное, излучает свой смысл).

Балбеса было по-своему жаль. И в кино, и на цирковой арене. Да и в жизни тоже.

У Юрия Никулина нет ампулы. Его маска, такая определенная, на первый взгляд, не укладывается в цирковые каноны. Она традиционна — и в то же время вне вековой традиции. Поставить ее в известный ряд отказались даже корифеи цирковой теории. Его маска не принадлежит к ряду Белых клоунов, но и не пополяет вереницу Рыжих. Ну уж, конечно, он не солнечный клоун.

Чистое созвучие провоцирует на воспоминание о пушкинском Балде. Но никулинский Балбес лишен всякой изворотливости и склонности к импровизациям. В энциклопедии упомянуты разные его цирковые роли — Влюбленный в скетче «Шипы и розы», Полицейский в «Маленьком Пьеро», Бармалей, которым он прославился на детских елках, — но Балбес, которого он сочинил в цирке и которого прославил кинематограф, — это не только шедевр Юрия Никулина, но и

Фото Дмитрия Донского (НГ-фото)

маска-открытие, укорененная в русской балаганной традиции и мировом низовом фольклоре. Его Балбес пытается быть предприимчивым и даже коварным, как Рыжий, но любая его авантюра кончается неудачей, как у Белого. В любой компании ему доставалось больше других, а потому его было жаль, даже когда колотушки, обрушивающиеся на него, означали победу справедливости. Так было, когда он работал в группе знаменитого Карандаша, так было, когда он стал выступать в паре с Михаилом Шуйдиным, вместе с которым он сочинял немало скетчей, в том числе «Бревно», великий и простой номер, совершенный, как fuga Баха.

Простодушие, доверчивость его Балбеса, вместе с нежеланием задуматься над последствиями своих поступков, не только ошеломляло принадлежностью к вековой истории клоунады, — оно было родным, почвенным, советским. (Как хорошо, что Белинский был процитирован выше. — М.Ш.). Вековую природу юмора Никулин проявляет во времени и в пространстве. В советском времени и советском пространстве. Свое бревно вместе с Михаилом Шуйдиным Юрий принес по многим аренам мира, но добродушнее всего, с полным пониманием своей причастности к происходящему на арене, их принимали дома, на исторической родине субботников и воскресников.

А потому сейчас, по прошествии десятилетий, вовсе не посещает удивление: как это, мол, цирковой артист так открылся в драматических ролях, как сыграл у Льва Кулиджанова в фильме «Когда деревья были большими» (1962), как снялся в ленте Семена Туманова «Ко мне, Мухтар!» (1965), как сломал общее предубеждение, создав образ Лопатина в картине Алексея Германа по прозе Константина Симонова «Двадцать дней без войны»

(1977). Не боюсь резкости: он, фронтовик еще со времен белофинской военной кампании, выращивал в себе этих людей, пытаясь увернуться от ударов бревна на цирковой арене и от ударов судьбы в своей жизни. Простодушие его цирковой маски определяло особый свет, который излучали созданные им персонажи, живущие по законам почти взаправдашной жизни. Он никогда не был актером, искушаемым психологическим театром или кинематографом, — он с помощью эксцентрики достигал выдающегося правдоподобия. Он знал, как это ведали в средние века, что юмор и есть основа характера, ибо каждый человек — со своим юмором, а вовсе не со своим нравом.

Именно поэтому его положительные герои лишены всякого пафоса — юмор удерживает их от пошлости. Роль Горбункова в комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1969), как и роль Балбеса, принесла ему неслыханную славу комедийного актера, которую признавали даже эстетствующие ценители кинематографа: великий актер, он с легкостью разрушал барьеры между высокой и низкой культурой, всякий раз доказывая, что гении не ведают границы между грубым и священным искусством.

Он прожил длинную жизнь. И каждый исторический период был ему впору. Именно поэтому никого не может удивить то обстоятельство, что пожилой человек, утративший былую легкость, со Звездой Героя Социалистического Труда, надетой на заглазничный пиджак, и в капитанской фуражке рассказывает анекдоты по телевизору, словно заговаривает невзгоды и беды, успокаивает отчаявшихся, умиротворяет буйных и вселяет надежды в обманутых. Он это делал всю жизнь. Потому что знал, в какой стране он живет. И не надеялся обмануть судьбу. Просто пытался ее рассмешить.

Спасибо, Юрий Владимирович!